

Основы современной тактики и стратегіи.

Генераль фонъ-Шлихтингъ 1).

(Von Schlichting. Taktische und Strategische Grundsätze der Gegenwart).

БОЛЬШІЕ МАНЕВРЫ.

(Глава IV).

Высказавъ мысль, что всякое изученіе прикладной тактики бесполезно, если нѣтъ возможности примѣнить его на практикѣ еще въ продолженіи мирнаго времени, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію тѣхъ средствъ, которыми это примѣненіе можетъ быть достигнуто и которыя онъ называетъ подготовительными къ войнѣ упражненіями, т. е. маневрами.

Изложивъ общіе принципы, которыми надлежитъ руководствоваться при составленіи плановъ маневровъ, ихъ заданій, авторъ, затѣмъ, говоритъ объ отрядныхъ маневрахъ, т. е. о маневрахъ бригадныхъ и дивизионныхъ, исполненіе коихъ цѣликомъ относится къ области тактики и, послѣ этого, переходитъ къ большимъ маневрамъ, относящимся уже къ области стратегіи, почему мы и считаемъ нужнымъ поближе познакомить читателей съ его мыслями на эту тему.

Перев.

Подъ большими маневрами мы подразумѣваемъ всѣ упражненія, въ которыхъ обѣ дѣйствующія стороны располагаютъ на дѣлѣ *стратегическими* командными единицами. При этомъ низшей степенью является корпусный маневръ, потому что въ немъ дивизія

1) См. «Военный Сборникъ». № 11.

дѣйствуетъ противъ дивизіи. При такихъ размѣрахъ дѣйствующихъ силъ, для того, чтобы ихъ боевыя дѣйствія являлись прямымъ и логическимъ послѣдствіемъ стратегическаго предположенія (заданія) нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ помощи предположенія мнимыхъ силъ; послѣднее можетъ стать нужнымъ лишь въ отношеніи сосѣднихъ отрядовъ, для изображенія военной обстановки, соотвѣтствующей требованіямъ дѣйствительности; но это вовсе не значитъ, что этимъ средствомъ слѣдуетъ пользоваться всегда. Напримѣръ, въ корпусномъ маневрѣ заданіе для одной стороны можетъ состоять въ развертываніи головъ колоннъ двухъ сосѣднихъ дивизій, но только тогда, врядъ-ли, окажется возможнымъ прослѣдить достиженіе намѣченныхъ боевыхъ цѣлей, дальше боевъ корпусныхъ авангардовъ, и при этомъ даже придется уже часто прибѣгать къ обозначенію, хотя бы поверхностному, вторыхъ бригадъ, когда настанетъ для нихъ время вступленія въ дѣло изъ походныхъ колоннъ.

Такъ какъ при столь обширныхъ размѣрахъ отрядовъ желательно, какъ будетъ доказано ниже, чтобы боевыя дѣйствія трехъ маневренныхъ дней были связаны одною и той-же общею мыслью, то примѣненіе вышеупомянутой мѣры рекомендуется приберегать до послѣдняго дня, въ томъ случаѣ, конечно, когда имѣется въ виду изобразить *только вступленіе* обоихъ корпусовъ въ дѣло на полѣ сраженія. Въ это время обѣ стороны, естественно, сойдутся ближе всего, а съ тѣмъ вмѣстѣ наступитъ часъ рѣшающаго боя. Но въ немъ нѣтъ уже болѣе мѣста *стратегическимъ* рѣшеніямъ: онѣ остались позади. Такъ какъ упражненіе этимъ днемъ и заканчивается, то теченіе дѣйствій этимъ уже не нарушается, какъ это было-бы во всякій предыдущій день, а только этимъ путемъ можетъ быть проведена раньше высказанная нами мысль, что, насколько возможно, слѣдуетъ избѣгать предположеній о наличности мнимыхъ силъ въ глубинѣ (т. е. *позади*, а не *рядомъ* съ дѣйствительно маневрирующими войсками. *Примѣчаніе переводчика*).

Всѣ разсмотрѣнныя выше упражненія (т. е. бригадные и дивизионные маневры. *Прим. перев.*) дѣлались тактически и тѣмъ болѣе стратегически поучительными лишь потому, что во всѣхъ направленіяхъ и на всѣхъ побочныхъ путяхъ создавались всевозможныя предположенія; между тѣмъ корпусный, а тѣмъ паче всякій еще болѣе маневръ, обладаетъ такими силами, которыя выводятъ для войсковыхъ начальниковъ эту поучительность *непосредственно*, и использованіе этого преимущества является особою обязанностью

при составленіи плана упражненія. Въ особенности это важно въ отношеніи исходнаго положенія. Оно должно обезпечивать сторонамъ такое удаленіе другъ отъ друга, которое позволяло бы имъ, въ зависимости отъ боевой обстановки, вполне свободно выбирать направленіе послѣднихъ стратегическихъ движеній, а для этого въ первый день маневра допустимо и желательно, чтобы стороны были удалены другъ отъ друга на два перехода. При этомъ въ первый день произойдетъ тактическое соприкосновеніе авангардовъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, если, конечно, обѣимъ сторонамъ предстоитъ произвести стратегическое наступленіе. Такъ-какъ въ такой краткій срокъ такого большого удаленія между сторонами, очевидно, нельзя вновь достигнуть иначе, какъ пожертвовавъ однимъ днемъ изъ трехъ для простого перехода, что было бы равносильно потерѣ одного учебнаго дня для войскъ, то часто и наблюдается, что первый день операціи слагается въ форму встрѣчнаго боя, а во второй разыгрывается большой рѣшающій бой. На третій приходится тогда разыгрывать либо аррьергардные бои, либо преслѣдованіе, если не предпочесть продлить сраженіе на два дня, причеиъ новыя части слѣдуетъ вводить въ дѣло въ смыслѣ вышеприведеннаго предположенія (т. е. какъ *сосѣдній* отрядъ. *Прим. перев.*) какъ, напримѣръ, это случилось съ Блюхеромъ у Мекерна во второй день Лейпцигскаго сраженія.

Разумѣется, мы вовсе не желаемъ выставить такое распредѣленіе поучающаго матеріала, какъ какую-то неизмѣнную схему, мы только хотѣли указать, въ какомъ, вообще, направленіи слѣдуетъ разрабатывать предположенія для маневровъ, которымъ хотятъ придать сходство съ обстановкой военнаго времени. Тѣмъ не менѣе руководитель обладаетъ полной возможностью создавать много разнообразныхъ положеній. Придавая маневренной задачѣ большую широту, эта инстанція можетъ привести части войскъ къ столкновенію перпендикулярному, или подъ угломъ, или наконецъ, заставить ихъ изобразить работу обороны фланга относительно главнаго боевого фронта. Какъ извѣстно, для того, чтобы такая форма съ военной точки зрѣнія имѣла основаніе и соотвѣтствовала дѣйствительности, необходимо, чтобы она постоянно являлась прямымъ послѣдствіемъ послѣднихъ маршей-маневровъ. Средства для принужденія къ такимъ дѣйствіямъ находятся исключительно въ рукахъ руководителя. Изъ всего нашего ученія объ операціяхъ, съ достаточной ясностью вытекаетъ, что встрѣчный бой самъ по себѣ, всегда будетъ однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ

для упражненія; чтобы вызвать бой за подготовленную позицію, необходимо создать совершенно особую военную обстановку. Избирая этотъ родъ маневра, нужно помнить, что для него требуется два дня, какъ мы пытались доказать это (4, Б. 2).

Здѣсь намъ приходится удовольствоваться этимъ обзоромъ подлежащаго учебнаго матеріала. Правильная постановка задачъ — это искусство, а всякое искусство требуетъ художника, умѣющаго его примѣнять. При этомъ каждый изъ нихъ идетъ своимъ особымъ путемъ.

Главная же обязанность, во всякомъ случаѣ, состоитъ въ томъ, чтобы создавать правдивую военную обстановку, въ предѣлахъ которой начальники должны принимать свои рѣшенія свободно. *Имъ не слѣдуетъ предписывать ничего такого, чѣмъ-бы они, согласно съ общей обстановкой, не могли распорядиться самостоятельно, и тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы руководитель держалъ ходъ упражненія въ своихъ рукахъ.* Если онъ будетъ допускать, чтобы ходъ событій и ошибочныя рѣшенія начальниковъ толкали его туда и сюда, если онъ не сумѣетъ придерживаться составленной программы упражненія, тогда ходъ маневра подпадаетъ подъ власть слѣпотаго случая и очень легко можетъ совершенно сойти съ рельсъ. Такимъ образомъ, расширение свободы рѣшенія начальниковъ создаетъ для руководителя постоянно увеличивающіяся затрудненія. Устранять ихъ онъ долженъ тѣми же средствами, которыми на войнѣ приходится направлять частныхъ начальниковъ на вѣрный путь. При переменчивости, которой постоянно подвержено положеніе въ отношеніи сосѣднихъ отрядовъ и противника, эти средства будутъ состоять въ постановкѣ соответственныхъ задачъ старшимъ начальникамъ. Подъ Лит. Б. объ этомъ придется сказать еще нѣсколько словъ по поводу продолженія руководства на маневрахъ.

Этимъ орудіемъ слѣдуетъ пользоваться прежде всего при составленіи маневреннаго предположенія, и при этомъ лучшей учительницей опять является военная исторія. Второй гвардейской пѣхотной дивизіи ¹⁾, волей-неволей, а пришлось-таки идти въ Костелець, и только тамъ, въ полдень 27 іюня ей былъ предоставленъ выборъ двигаться къ Находу, или оставаться на мѣстѣ. Вынужденное положеніе и свобода рѣшенія здѣсь рѣзко разграничены, и тоже самое мы найдемъ въ любомъ военномъ случаѣ, будь то Траутенау или Шпихернъ, Нуаръ или Шато-Рено.

¹⁾ Прусскія въ началѣ Кампаніи 1866 г.

Вотъ изъ какого матеріала создаются общія идеи маневровъ согласныя съ военной дѣйствительностью, а не изъ обманчивыхъ туманныхъ картинъ, которыя предполагають столкновение народовъ востока съ народами запада, и при которыхъ каждой части предоставляется, по собственному усмотрѣнію, дѣйствовать или бездѣйствовать. Составивъ даже самое обширное предположеніе для маневра, которое дало бы каждой сторонѣ по нѣсколько корпусовъ, руководитель, связанный такой руководящей идеей, все же былъ бы совершенно не въ состояніи господствовать надъ ходомъ маневра, потому-что такая идея требуетъ операціоннаго плана на цѣлую кампанію. Ограниченное-же предположеніе для упражненія стремится создать тактическія задачи, и въ этомъ отношеніи сходится даже съ бригадными маневрами. Если на послѣднихъ не былъ заложенъ краеугольный камень для тактики сраженія, и если работа на немъ не была проведена послѣдовательно черезъ всѣ ступени упражненій, то его мы не найдемъ и въ большихъ маневренныхъ сраженіяхъ, а пріобрѣсти его тамъ врядъ-ли уже будетъ возможно, потому что заниматься обученіемъ войскъ уже поздно. Дѣло теперь идетъ единственно объ обученіи начальниковъ. Съ возрастаніемъ же маневрирующихъ величинъ; для этого, конечно, потребны все болѣе и болѣе углубляющіяся и расширяющіяся пространства.

Если столкновенію предшествуютъ нѣсколько походныхъ движеній въ порядкѣ военнаго времени, то въ теченіе ихъ начальникъ найдетъ средства, чтобы взвѣсить всѣ соображенія, необходимыя ему для того, чтобы выбрать болѣе выгодныя условія для вступленія въ большой бой. Несмотря, однако, на это, и даже при столь расширенномъ видѣ упражненій, выработать стратега нельзя. Изученіе его труднаго искусства покоится, главнымъ образомъ, на простыхъ теоретическихъ законахъ и на изученіи военной исторіи, и единственными упражненіями являются для него военная игра и полевая поѣздки генеральнаго штаба.

Наоборотъ, всякое предположеніе для маневра связано во всѣхъ своихъ подробностяхъ условіями предоставленной для него мѣстности. Характеромъ ея опредѣляются видъ и ходъ маневра. Всякому, безъ дальнѣйшихъ объясненій, вѣроятно, совершенно ясно, какое сильное воздѣйствіе оказываетъ характеръ мѣстности на тактическія дѣйствія, которыя на ней разыгрываются. Бой за гору ведется иначе, чѣмъ бой за открытую мѣстность; горные хребты и рѣки разграничиваютъ боевые участки, а обширныя пространства дѣсовъ препятствуютъ развертыванію большихъ массъ для боя—

нельзя изобразить боя за подготовленную позицію тамъ, гдѣ мѣстность не представляетъ никакихъ основаній для созданія таковой. И именно потому, что теперь веденіе войны вообще—т. е. операція,—стало очень независимымъ отъ такихъ мѣстныхъ условій и движется по всякой мѣстности, осмотрительный руководитель маневромъ долженъ подумать о томъ, чтобы создать для отведеннаго ему участка мѣстности *такую* операціонную обстановку, которая непременно должна будетъ привести къ рѣшающему столкновенію именно на немъ. Сама по себѣ всякая мѣстность, прорѣзанная искусственными дорогами и имѣющая населенные пункты, пригодна для боевыхъ дѣйствій, а слѣдовательно, и какъ поле для маневра, какъ это уже въ самыхъ общихъ чертахъ и было высказано во вступленіи къ части 2-й, подъ п. 2. Но обученіе тактикѣ требуетъ опредѣленныхъ мѣстныхъ предметовъ, на которыхъ войска упражняются, и руководитель, при составленіи предположенія для упражненія, находится въ зависимости отъ ихъ вида. Соответственно имъ онъ и долженъ ставить боевыя задачи. А это принуждаетъ его произвести самую основательную развѣдку мѣстности. Онъ свои мысли долженъ примѣнять къ мѣстности—послѣдняя является для его исходныхъ соображеній существеннѣйшей данной величиной, а потому онъ долженъ быть съ ней основательно знакомъ. Столь-же важнымъ, наоборотъ, представляется, чтобы командующимъ на маневрѣ начальникамъ, она оставалась, насколько возможно, неизвѣстной, т. е. чтобы они могли знакомиться съ ней, вообще, лишь по картѣ, а въ подробностяхъ, лишь шагъ за шагомъ, по мѣрѣ фактическаго вступленія на нее во время хода дѣйствій. Командующимъ начальникамъ слѣдовало-бы поэтому положительно воспретить предварительныя рекогносцировки, потому что на войнѣ они постоянно будутъ находиться въ подобныхъ условіяхъ. Итакъ, въ такомъ предварительномъ знаніи мѣстности нуждается, слѣдовательно, одинъ только руководитель, дабы быть въ состояніи избрать предметъ для упражненій и для подробной разработки своихъ предположеній, потому что на немъ лежитъ обязанность, не стѣсняя свободы дѣйствій начальниковъ, все же привести ихъ къ моменту рѣшеній оружіемъ, именно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это можетъ стать особенно поучительнымъ.

Если на маневренное предположеніе съ одной стороны немаловажное значеніе оказываетъ характеръ мѣстности, то съ другой, на немъ существеннѣйшимъ образомъ должна отразиться та точка зрѣнія, что заставить упражняться надо въ тѣхъ предметахъ, ко-

торыя наиболѣе соотвѣтствуютъ учебнымъ потребностямъ даннаго времени. У мыслящаго и хорошо знающаго свои войска руководителя упражненіемъ никогда въ этомъ отношеніи не будетъ недостатка въ основаніяхъ.

Маневренное воспитаніе требуетъ разнообразія въ предлагаемыхъ предметахъ упражненій, которое, въ теченіе служебнаго періода, должно охватить и показать всѣ стороны ученія объ управленіи войсками. Но даже и постоянно повторяющіеся на маневрахъ мотивы руководства во встрѣчныхъ или позиціонныхъ бояхъ предоставляютъ начальникамъ большое разнообразіе для ихъ рѣшеній и для распредѣленія силъ для боя, въ зависимости отъ измѣненія обстановки похода, взаимоотношеній къ противнику и сосѣднимъ отрядамъ и условій мѣстности.

Достигнуть особенно поучительныхъ тактическихъ рѣшеній и положеній легче всего тогда, когда въ три дня дѣйствій удастся включить оперативную перемѣну фронта сторонъ, согласную съ условіями военной дѣйствительности и вполнѣ обоснованную. Днями длящееся параллельное бѣганіе сторонъ взадъ и впередъ другъ отъ друга, влечетъ за собой однообразіе въ явленіяхъ боя, которое болѣе утомляетъ, чѣмъ возбуждаетъ и, въ большинствѣ случаевъ, приводитъ, въ концѣ концовъ, къ такъ называемому «линейному сраженію». (Treffenschlacht). Но указанное средство должно постоянно примѣняться руководителемъ, лишь какъ естественное послѣдствіе общей военной обстановки и простѣйшими способами.

Во всякомъ случаѣ большіе маневры для того и существуютъ, чтобы имѣть случай представить непосредственную картину такихъ сраженій во всѣхъ ея проявленіяхъ. При этомъ надо принимать во вниманіе выставленныя нами во второй книгѣ основныя правила руководства войсками. Они доказывали, что въ большой боевой единицѣ одно направление движенія приводитъ къ развертыванію лишь на одномъ фронтѣ, такъ сказать, отъ одной дороги, и что этотъ фронтъ вступаетъ въ тактическое соотношеніе съ другимъ, производнымъ отъ другой дороги, лишь на самомъ полѣ сраженія. При этомъ подробно было выяснено, что именно этимъ только путемъ создается съ логической послѣдовательностью геометрическая фигура боя, которая принимаетъ видъ либо уступа, оборонительнаго или наступательнаго, либо эшелонированныхъ резервовъ.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, корпусный маневръ располагается средствами, достаточными для того, чтобы полностью изобразить дѣйствія одного изъ этихъ фронтовъ (дивизіи) въ бою;

вступленіе-же въ дѣйствіе другого приходится или сдѣлать мнимымъ, или-же обозначенными частями намѣтить наступленіе его головы. Въ маневрахъ корпуса противъ корпуса уже легче дать картину всего сраженія, изобразивъ взаимодѣйствіе разныхъ отрядовъ войскъ, двигающихся отъ различныхъ операціонныхъ направленій. Но только армія, какъ дѣйствующая сторона, въ состояніи провести сраженіе во всей цѣлостности, не прибѣгая къ добавленію мнимыхъ величинъ. Слѣдовательно, при такихъ размѣрахъ отрядовъ, руководителю, для того, чтобы вполне господствовать надъ ходомъ упражненія, достаточно дать предположенія только стратегическія, ставящія стороны въ связь съ сосѣдними арміями. Тактическія рѣшенія, затѣмъ, безусловно и неограниченно лежатъ въ рукахъ дѣйствующихъ начальниковъ.

Мы вполне сознаемъ, что въ этомъ очеркѣ трактуемъ лишь объ извѣстныхъ и часто обсуждаемыхъ предметахъ и что кромѣ того онъ даетъ лишь недостаточныя основанія для практической выработки маневренныхъ предположеній въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. *Что касается перваго пункта*, то дѣло именно въ томъ и заключается, чтобы использовать тѣ великія тактическія поученія, цѣнить которыя насъ научилъ нашъ военный опытъ и которыя явились плодомъ нашего успѣшнаго операціоннаго метода.

Переходя ко второму пункту, слѣдуетъ отмѣтить, что чисто теоретическое разсужденіе, разумѣется, не можетъ дать никакого образца для хорошей организаціи упражненій. Она должна, какъ всякій предметъ искусства, исходить изъ мастерской художника. Наиболѣе положительныя образцы для нихъ предоставляетъ намъ военная исторія. Читать ее слѣдуетъ только здоровыми и непродубѣжденными глазами, и тогда въ ней найдутся основанія для вполне подходящихъ предположеній для боевыхъ дѣйствій. Въ этомъ отношеніи неизсякаемый источникъ представляется намъ въ отдѣльныхъ военно-историческихъ сочиненіяхъ генеральнаго штаба.

Руководительство упражненіями.

Въ прямой связи съ вышеприведенными заключительными положеніями находится, пожалуй, то обстоятельство, что руководитель, для удержанія въ намѣченныхъ рамкахъ всего хода упражненія, на которое онъ долженъ оказывать воздѣйствіе непрерывно, обязательно долженъ придерживаться той военной обстановки, которая имъ самимъ была предложена въ началѣ маневра. Создать

полезный ходъ маневра нельзя ни произвольными, деспотически дѣйствующими приказаніями, ни просто наобумъ созданными, лишь кажущимися обоснованными, данными.

Мы знаемъ, что на войнѣ воля начальника должна быть въ высшей степени самостоятельной, но она, однако, все-же безусловно не свободна, ибо постоянно находится въ зависимости отъ общаго хода событій, въ цѣпи которыхъ она составляетъ лишь одно звено. Все, что современная философская наука утверждаетъ относительно лишь ограниченной свободы всей дѣятельности человѣческихъ ума и дѣйствій, вполне справедливо и въ отношеніи военнаго начальника, участвующаго въ общемъ большомъ дѣйствіи. Онъ находится отъ этого дѣйствія въ извѣстной зависимости, которую только онъ, какъ руководитель и можетъ съ успѣхомъ использовать для того, чтобы умѣрять его пылъ. Въ доказательство остановимся на минуту на примѣрѣ, взятомъ изъ послѣдняго отдѣльнаго труда генеральнаго штаба за № 25.

38 бригада поставлена въ такіа рамки, что ее, очевидно, при руководящемъ предположеніи можно, по желанію, принудить обороняться или наступать. Руководитель имѣетъ одинаковую возможность заставить показать значеніе для большого боевого фронта резервныхъ уступовъ, или воздѣйствіе на отступление противника. Въ данной военной обстановкѣ онъ можетъ, или просто поддержать маневрирующую бригаду, или заставить ее поддержать сосѣда (20 дивизія, или отрядъ Лемана) и т. д., и обезпечить естественный ходъ маневра, задуманнаго соотвѣтственно условіямъ военной дѣйствительности, только и можно подобными средствами.

Слѣдовательно этого рода орудія руководитель и долженъ имѣть въ запасѣ въ своей умственной мастерской, иначе онъ выйдетъ изъ своей собственной роли и разрушитъ все условія рациональнаго управленія. Средствами для послѣдняго ему служатъ приказанія, отдаваемые имъ какъ высшей инстанціей, или донесенія о положеніи и дѣйствіяхъ непріятеля, или сосѣда. Затѣмъ рѣшенія начальниковъ должны основательно измѣняться въ зависимости отъ того, будетъ-ли признано, что сосѣдъ побѣдилъ, или потерпѣлъ пораженіе, остановился, или отступаетъ. Этихъ немногихъ словъ будетъ, вѣроятно, достаточно, чтобы показать съ полной очевидностью, какимъ большимъ арсеналомъ средствъ располагаетъ руководитель, если только упражняющійся отрядъ, безразлично большой, или малый, поставленъ съ самаго начала въ правильное и

сообразное съ условіями военнаго времени, еоотношеніе относительно противника и сосѣднихъ отрядовъ. Но создавать такихъ предположеній нельзя для одиноко странствующаго на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ миль отряда, размѣрами отъ батальона до бригады включительно, и одно это уже подвергаетъ задуманныя подобнымъ образомъ упражненія полнѣйшему произволу — они не только не соотвѣтствуютъ военной дѣйствительности, но ими и руководить нельзя. Для нихъ нѣтъ пригодныхъ законовъ и правилъ, ни въ церемоніальной части стратегіи, ни въ ходѣ любого маневра. Такимъ осиротѣлымъ небольшимъ величинамъ, на войнѣ, какъ и на маневрахъ, приходится пробиваться собственными средствами, и единственной путеводной нитью для нихъ при этомъ служить мѣстность. Одно это обстоятельство уже представляетъ, какъ мы видѣли раньше, тактическое основаніе ошибочное, или, лишь въ крайнемъ случаѣ, допустимое, ибо цѣль боя постоянно должна *владѣть* мѣстностью.

При всемъ томъ вліяніе мѣстности на ходъ боя все-же остается достаточно могущественнымъ. Если общую военную обстановку, въ которой 16 августа 1870 г. наступала 38 пѣхотная бригада, перенести на другую мѣстность, то бригада эта не встрѣтитъ Брювильскихъ высотъ, а всѣ тактическія отношенія и рѣшенія на томъ же самомъ мѣстѣ значительно измѣнятся, если предположить, что Тронвильскіе кусты срублены. Опасаться, что выборъ военно-историческаго примѣра приведетъ къ простому списыванію его хода, такимъ образомъ, неосновательно. Имѣя подобное намѣреніе, руководитель стоялъ-бы на совершенно ложномъ пути. Определенная программа, которой мы требовали выше, не должна приводить къ сознанію точно намѣченныхъ картинъ. Это никогда не должно было-бы удаваться, хотя-бы уже потому, что въ границахъ данной военной обстановки, слѣдуетъ оказывать полное уваженіе свободѣ начальниковъ. Программа руководителя должна заключать въ себѣ общее направленіе хода маневра, его приблизительно ограниченную ежедневную цѣль, встрѣчный бой, или бой за подготовленную позицію и т. п., но отнюдь не то, какимъ образомъ маневрирующій тактикъ долженъ смотрѣть на свое положеніе, ни какъ онъ долженъ имъ пользоваться. Отъ руководителя зависитъ найти средства, чтобы вынудить послѣдняго придерживаться его программы.

Но, по мѣрѣ того, какъ увеличиваются размѣры упражненія, измѣняется и суть вліянія руководства. Чтобы на большихъ маневрахъ (корпуса и больше) дать рѣшеніямъ начальника *желаетъ*

мый оборотъ, обыкновенно достаточно бываетъ введенія какой-нибудь стратегической причины, которая выражала-бы волю старшаго начальника, или устанавливала побѣду или пораженіе сосѣдней арміи или корпуса и т. п. Въ меньшихъ упражненіяхъ, для направленія боевыхъ рѣшеній, или по крайней мѣрѣ для согласованія ихъ съ военной правдоподобностью, нужны тактическія измѣненія въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, а такъ какъ они болѣе ограничены, то и изобрѣтательность руководителя скорѣе изсякаетъ. Поэтому-то въ данномъ случаѣ мы и совѣтовали не связывать дѣйствій нѣсколькихъ дней одной общей мыслью, направляя все вниманіе руководителя лишь на правильное исполненіе мгновенныхъ тактическихъ картинъ, между тѣмъ какъ на большихъ маневрахъ только связанныя и раціонально въ теченіе нѣсколькихъ дней проводимыя дѣйствія могутъ дать матеріаль для правильнаго освѣщенія причинъ и послѣдствій принятыхъ начальниками рѣшеній.

Для послѣдняго, со сторны руководителя, требуется очевидно гораздо больше искусства, и одного этого случая достаточно, чтобы показать, насколько несостоятельно утвержденіе, будто бригадными, т. е. малыми маневрами труднѣе управлять, чѣмъ большими. При первыхъ дающему указанія, т. е. ихъ руководителю совершенно достаточно, опредѣливъ рамки маневра, черпать, когда явится надобность правильно обосновать могущія стать нужными переѣмны въ сосѣднихъ величинахъ, изъ своего запаса мелкаго тактическаго опыта. Кромѣ того, смотря по надобности, онъ имѣетъ полную возможность разнообразить такія измѣненія, ибо сосѣдній полкъ и т. д., имѣвшій до того времени успѣхъ, всегда можетъ оказаться въ слѣдующее мгновеніе въ невыгодномъ положеніи. Военная исторія во всѣхъ своихъ бояхъ даетъ намъ примѣры подобнаго оборота дѣлъ, на которыхъ и покоится большая часть поученій, которыя можно и должно извлекать изъ малыхъ маневровъ.

А при болѣшихъ упражненіяхъ руководитель, разъ предположеніе имъ объявлено, имъ же одновременно самъ себя связываетъ, ибо сосѣдняя армія, или корпусъ, разбитые сегодня, позавтра не могутъ, логически оказаться побѣдителями, и наоборотъ; въ этомъ также можно убѣдиться изъ любой странички военной исторіи. И такъ изъ болѣе стратегическихъ, или широко тактическихъ предположеній, постоянно создается тотъ общій путь, выйти изъ котораго произвольно уже никакъ нельзя. Тотъ, кому когда-либо, или часто приходилось руководить большими упражненіями, хорошо знаетъ, насколько чувствителенъ аппаратъ, ввѣренный его заботливой рукѣ.

Это обстоятельство учить крайней осмотрительности въ составляемыхъ предположеніяхъ; оно требуетъ, чтобы онѣ были въ высшей степени просты, и, между прочимъ, рѣдки.

Оставимъ эту столь важную тему и перейдемъ къ предмету, который обыкновенно представляетъ для руководства, согласнаго съ военной дѣйствительностью, очень серьезныя препятствія. Мы говоримъ о перерывѣ маневра, для разбора котораго теченіе военныхъ дѣйствій, совершенно условно, прерывается. Давно извѣстно, что разборъ дня, совершенно невольно и вопреки желанію руководителя, ставится частью маневра, дѣйствія которой до и послѣ освѣщаются совершенно иначе. Этого не должно было бы быть, но оно повторяется однако съ постоянствомъ закона природы. Если до перерыва руководитель самъ имѣлъ безусловно полное основаніе радоваться тактическимъ стремленіемъ всѣхъ и каждого, то послѣ него, слишкомъ ужъ часто, все до извѣстной степени «распускается». Такъ сказать, «соль дня», т. е. боевое дѣйствіе конечно; послѣ нравственнаго возбужденія, которое создается даже лишь примѣрнымъ боемъ и которое увеличивается еще ожиданіемъ предстоящей непосредственно вслѣдъ затѣмъ оцѣнки, наступаетъ нѣкоторый упадокъ энергіи, и послѣ этого для охраненія на отдыхѣ принимаются совершенно иныя мѣры, чѣмъ допустимыя на войнѣ. Въ этомъ столь часто порицаемомъ фактѣ руководитель, конечно если онъ оставался на мѣстѣ и слѣдилъ за процессомъ расхожденія сторонъ, обыкновенно найдетъ богатый матеріалъ для разбора на слѣдующій день. Если-же наоборотъ, руководитель самъ себѣ даетъ полуденный отдыхъ, и только послѣ этого *обзѣзжаетъ* уже выставленныя мѣры охраненія, то этотъ столь важный военный актъ вообще исчезаетъ. А между тѣмъ, гораздо выше уставнаго выставленія сторожевыхъ постовъ стоять способъ, коимъ они въ дѣйствительности на войнѣ возникаютъ. При обычномъ ходѣ нашихъ маневровъ, этотъ актъ особенно подверженъ своего рода «гибели боговъ», во время которой создается новый строй міра, для послѣдующаго тактико-драматическаго акта (слѣдующаго операціоннаго дня). Наше возрѣніе на необходимость соотвѣтствія маневра съ дѣйствительными требованіями войны должно распространяться не только на то «что» произошло, но и на то «какъ» оно произошло, и послѣднее, пожалуй, даже, важнѣе перваго. Общій духъ устава полевой службы, во всѣхъ предписаніяхъ, проникнуть этимъ мнѣніемъ. Обыкновенно-же картину сторожевого охраненія принято осматривать уже послѣ того, какъ оно выставлено.

По этимъ причинамъ руководителю слѣдовало-бы по возможности ограничивать замедляющее вліяніе перерыва на дневныя дѣйствія. Когда операціи двухъ дней обоюднo связаны одной общей мыслью, то лучше вовсе не дѣлать никакого перерыва для разбора, ибо всякій перерывъ въ дѣйствіяхъ разрушаетъ всѣ зародыши связи между обоими днями, и эта точка зрѣнія уже привела къ тому, что и на практикѣ, при такихъ обстоятельствахъ, мѣшающій антрактъ принято вовсе выбрасывать. Но для этого руководителю придется держаться уже иного отношенія къ вопросу о бивачныхъ потребностяхъ. Выборъ мѣстъ ночлеговъ больше уже отъ него не зависитъ и переходитъ въ руки начальниковъ, по ихъ свободному избранію. Тѣмъ не менѣе руководитель долженъ надъ *общимъ* ходомъ дѣль господствовать настолько, чтобы быть въ состояніи во все время маневра держать колонны обозовъ въ такихъ мѣстахъ, откуда начальники имѣли бы всегда возможность ихъ своевременно притянуть. Этимъ требованія, предъявляемыя искусству руководителя, увеличиваются, а послѣднее въ свою очередь становится инымъ, въ зависимости отъ размѣровъ упражненія.

Мы нашли, на примѣръ, что на такъ называемыхъ бригадныхъ маневрахъ, поучительность которыхъ преимущественно лежитъ въ мгновенныхъ тактическихъ картинахъ, требуется органически связать лишь два операціонныхъ дня, дабы имѣть возможность въ подробностяхъ и согласно съ обстановкой военнаго времени провести переходъ отъ одного изъ нихъ къ другому въ области сторожевой службы и слѣдить критически за исполненіемъ этого. Здѣсь слѣдовательно, перерывъ для разбора отпадаетъ лишь на одинъ день. Съ увеличеніемъ размѣровъ упражненія возрастаетъ и потребность непрерывности въ военныхъ дѣйствіяхъ; поэтому, въ корпусныхъ маневрахъ лучше не дѣлать никакихъ перерывовъ, или, въ крайности лишь такіе, которые вызываются ходомъ самого упражненія. Разборъ дня самъ по себѣ не представляетъ для этого достаточнаго основанія. Наоборотъ, создать такое можетъ переходъ отъ боевъ двухъ сторонъ къ маневру корпуса противъ обозначеннаго противника. Слѣдовательно, за методичностью личности руководителя сохраняются всѣ права.

Значеніе маневреннаго перерыва настолько важно, что будетъ, пожалуй, нелишнимъ освѣтить еще и другую сторону этого дѣла. Назначеніе *начала* маневра на какойнибудь точно опредѣленный срокъ постоянно является неизбѣжнымъ условіемъ, и одно это уже есть стѣснительная уступка мирному положенію. Поэтому было уже

сдѣлано много разнообразныхъ попытокъ уменьшить недостатокъ, который влечетъ за собой эта, упорядочивающая ходъ вступительныхъ дѣйствій, мѣра. Но если даже одной изъ сторонъ прибавить стратегическое преимущество въ полчаса времени, или даже въ цѣлый часъ, то это дастъ ея развѣдкѣ возможность въ одно маневренное утро уйти настолько впередъ (я даже, обыкновенно, дойти до самыхъ, по всѣмъ членамъ еще связанныхъ силъ противника), что военная обстановка становится, благодаря этому, неправдоподобной. Нельзя разрѣшить этого затрудненія и ограниченіемъ назначенія болѣе ранняго срока выступленія только для развѣдочныхъ органовъ, и по этому поводу намъ необходимо ясно представить себѣ всѣ затрудненія, которыя сама въ себѣ заключаетъ задача развѣдки въ первый маневренный день.

Кавалерія въ этотъ день должна *своевременно* доставить свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ противника и для достиженія этого пройти разстояніе около перехода туда и назадъ, между тѣмъ, какъ въ послѣдующіе дни она, какъ и во время настоящей кампаніи, бываетъ уже освѣдомлена объ общей дѣятельности непріятеля. Примѣръ Шпихерна показалъ намъ, что такая обстановка, пожалуй, можетъ представиться и въ началѣ войны, только выборъ *такого* времени не годится для маневреннаго предположенія. Военная обстановка въ послѣднемъ—и тѣмъ болѣе, чѣмъ маневръ меньше—постоянно должна предполагать, что ходъ военной *операции* законченъ, оставленъ позади, потому что самъ маневръ долженъ заниматься *тактическими* рѣшеніями. При такихъ обстоятельствахъ руководителю остается только принять на себя представление сторонамъ ориентирующихъ донесеній для перваго операционнаго дня, согласно требованій военнаго времени. Только этимъ путемъ можно избѣжать несправедливыхъ упрековъ о недостаткѣ свѣдѣній, или несоотвѣтствующаго военнымъ требованіямъ переутомленія конскаго состава.

Это разсужденіе во всякомъ случаѣ можетъ доказать, насколько сомнительнымъ является назначеніе на одинъ опредѣленный часъ ежедневныхъ дѣйствій упражненія, связаннаго одной общей мыслью. Это средство, при случаѣ, можетъ оказаться неизбѣжнымъ, но руководитель долженъ помнить, что этимъ онъ всегда смѣется надъ военной дѣйствительностью. Правда, если руководитель имѣетъ намѣреніе принципиально предоставить самимъ начальникамъ свободу назначать время выступленія, то они сильно его въ этомъ затрудняютъ. Они въ большинствѣ случаевъ

стараются тогда другъ друга опередить ранними выступленіями и при этомъ, въ концѣ концовъ, превращаютъ ночь въ день. Обыкновенно это явленіе возрастаетъ, когда для бѣльшей практики силъ различныхъ начальниковъ, мѣста таковыя мѣняются. Сказка о трехъ братьяхъ, которые унаслѣдовали одно вьючное животное, съ правомъ cadaго пользоваться имъ по одному дню послѣдовательно, съ бьющей въ глаза ясностью показывается, какія при этомъ возникаютъ злоупотребленія. Каждый старается использовать работу животного «во всю», а кормить его предоставляетъ слѣдующему, и, такимъ образомъ, несчастное животное на третій день въ изнеможеніи околѣваетъ.

На маневрѣ употребленіе войскъ должно оставаться такимъ же, какъ и на войнѣ, и руководитель, казалось бы, обязанъ принуждать начальниковъ соблюдать это правило, примѣняя для этого средства и соображенія военного времени, а не прибѣгая къ помощи чисто механическаго властнаго слова, которымъ обѣ стороны разъ навсегда были бы обезпечены отъ болѣе ранняго выступления противника, что отнимаетъ у маневра слишкомъ много сходства съ войной и вводитъ его въ область условностей. Представьте себѣ только войну, въ которой часы выступленія были бы заранѣе опредѣлены; конечно, это сняло бы съ начальниковъ тяжесть серьезнѣйшихъ заботъ, но и лишило бы ихъ самаго дѣйствительнаго средства для одержанія успѣха. Руководитель, поэтому, долженъ обратить всѣ свои способности на то, чтобы изыскать способъ, которымъ въ каждомъ данномъ случаѣ можно бы обойти этотъ столь вредный для сходства съ военной дѣйствительностью подводный камень. Это потребуетъ постоянно разнообразныхъ средствъ, для которыхъ невозможно дать никакого рецепта. Такъ, на примѣръ, сосредоточеніе всѣхъ войскъ на бивакахъ, какъ это и бываетъ обыкновенно на большихъ маневрахъ, даетъ руководителю возможность установить, что до опредѣленнаго часа главныя силы сторонъ не имѣютъ права перейти за линію сторожевого охраненія. Это средство, само по себѣ, не противорѣчитъ военной дѣйствительности, если, конечно, оно объявлено только въ частномъ заданіи, и такимъ образомъ неизвѣстно противнику, до него не относится и не ставитъ собственныхъ рѣшеній подъ вражескій контроль. Другими словами, когда время начала движеній остается противнику неизвѣстнымъ, то это средство руководства является допустимымъ, при томъ одного условія, чтобы и при оцѣнкѣ это наложенное ограниченіе было принято въ должное вниманіе.

Извѣстно, что критикой ставится Наполеону въ упрекъ, будто онъ при Ватерлоо слишкомъ поздно началъ свои наступательныя движенія. Совершить такую ошибку можетъ заставить и руководитель маневромъ, только Веллингтонъ не долженъ одновременно узнать, что она будетъ сдѣлана. Только это сдѣлало бы средство несообразнымъ съ военной дѣйствительностью, и мы думаемъ, что достаточно будетъ и этого намека, чтобы показать, оставаясь въ какихъ границахъ опредѣленіе ежедневныхъ сроковъ выступленія можетъ соотвѣтствовать ходу операцій въ дѣйствительно серьезномъ случаѣ. Но такое средство, естественно, можетъ помочь не во всѣхъ случаяхъ, и въ предшествовавшемъ очеркѣ, говоря о п. 2, 82, строевого пѣхотнаго устава, мы уже выяснили, насколько необходимо, вообще, предоставлять полную свободу движеній во всякое время дня и ночи и въ особенности тогда, когда желательно изобразить видъ боя, до котораго относится вышеупомянутый пунктъ устава стр. п. сл. На рѣшеніяхъ начальниковъ благотворнѣе всего всегда отражаются условія самой военной обстановки, напр., выступленіе сосѣдняго отряда, или вообще соотношеніе къ сосѣднимъ дѣйствующимъ величинамъ и т. п.

Мы уже сказали, что наши маневры, въ зависимости отъ своихъ размѣровъ, обыкновенно въ двухъ отношеніяхъ разнятся отъ дѣйствительнаго боя. Меньшіе проявляютъ наклонность къ излишнему растягиванію фронта, между тѣмъ какъ съ возрастаніемъ силъ маневрирующихъ отрядовъ замѣчается обратное стремленіе къ тактическому сосредоточенію частей еще до рѣшающаго боя, или же къ преждевременному развертыванію одного боевого фронта.

Первый недостатокъ мы уже обсудили въ предыдущемъ отдѣлѣ объ условіяхъ, которымъ должны удовлетворять предлагаемыя предположенія въ отношеніи боевой обстановки, и при этомъ въ достаточной мѣрѣ были рассмотрѣны средства предупредительныя, которыя сообразны съ военной дѣйствительностью. Считая этотъ предметъ исчерпаннымъ, мы теперь ограничиваемся изслѣдованіемъ причинъ, на которыхъ основывается противоположное явленіе, наблюдаемое на нашихъ большихъ маневрахъ. Находимъ мы ихъ въ разнящейся отъ серьезнаго боя скоротечности *тактическихъ* дѣйствій. Въ маленькихъ упражненіяхъ, гдѣ мнимыя сосѣднія величины слѣдовало бы пододвинуть ближе, эта скоротечность едва ли играетъ какую-либо роль вообще, а если и да, то только второстепенную. Возстановить боевую точку зрѣнія на

дѣйствительную продолжительность боя повидимому легче всего посредствомъ соотвѣтственнаго замѣчанія, потому что она не зависитъ отъ болѣе отдаленныхъ дѣйствій.

Совершенно иначе это противорѣчіе выражается тамъ, гдѣ два отряда, двигаясь съ двухъ разныхъ сторонъ, должны соединиться для тактическаго взаимодействія, и трудность возрастаетъ, когда руководитель хочетъ добиться соединенія двухъ отрядовъ. еще разобщенныхъ. А именно эти условія наиболѣе соотвѣтствуютъ боевой дѣйствительности и являются для войсковыхъ начальниковъ наиболѣе поучительными. Представимъ себѣ, на примѣръ, такую обстановку, въ которой одной дивизіи предстоитъ обороняться на позиціи противъ значительно превосходящихъ силъ—опредѣлимъ ихъ приблизительно въ одинъ корпусъ—до подхода другой, находящейся въ разстояніи небольшого перехода. Такія обстоятельства въ нашихъ полевыхъ операціяхъ встрѣчаются часто и являются наиболѣе поучительными. Но чтобы провести такое дѣло, руководитель долженъ проявить наивысшее искусство, ибо выдержать *продолжительность* боя, соотвѣтствующую военной дѣйствительности, бываетъ обыкновенно очень трудно. Недостаетъ тѣхъ многочисленныхъ треній, съ которыми приходится сталкиваться наступающему въ дѣйствительномъ бою, а рѣшенія посредниковъ могутъ менѣе всего ихъ замѣнить. Напротивъ,—чѣмъ дѣятельнѣе будутъ посредники постановлять приговоры, тѣмъ короче будетъ ходъ дѣла.

На этихъ страницахъ мы уже раньше упоминали, что этой условности въ продолжительности маневренныхъ боевъ руководитель можетъ до извѣстной степени воспрепятствовать значительнымъ сокращеніемъ еще до рѣшенія силою оружія разстоянія между маневрирующими отрядами. Мы отмѣтили тогда же, что лучше, если при такомъ неизбѣжномъ злѣ немного пострадаетъ только стратегія, чѣмъ если сосѣдъ останется безъ тактической поддержки, ибо надо стремиться обучать общности дѣйствій всѣхъ частей. Но и этого исхода врядъ-ли всегда будетъ достаточно; маневренная практика обыкновенно слишкомъ быстра, и рѣшенія посредниковъ имѣютъ слишкомъ радикальное дѣйствіе.

Наступательныя движенія, для выполненія которыхъ на полѣ битвы потребовались бы многіе часы, исполняются на маневрен-

номъ полѣ часто въ столько же минутъ. Даже самое обдуманно налаженное и систематично проведенное до конца большое наступленіе пѣхоты, которому надо придавать наивысшее значеніе, не даетъ по своей продолжительности ни малѣйшей отправной точки для сужденія о дѣйствительности. Оно представляетъ только символическую послѣдовательность всѣхъ дѣйствій, изъ которыхъ слагается бой. Конечнымъ занятіемъ позиціи участь сраженія, на этомъ, по крайней мѣрѣ, мѣстѣ бываетъ обыкновенно рѣшена, и это, какъ извѣстно, повторяется часто въ теченіе цѣлыхъ дней. Прямо примирить такія противоположности, естественно, не удастся. На сухомъ маневренномъ полѣ изобразить всѣ тѣ тренія, которыя возникаютъ съ потоками проливаемой крови, было бы безконечно скучно и безцѣльно утомительно. При доблестныхъ и вѣрныхъ войскахъ силою въ дивизію, упорная оборона обезпечена на долгіе часы, даже противъ вдвое сильнѣйшаго врага. А въ теченіе всего только одного маневренного утра, дивизія оказывается побѣжденной въ кратчайшій срокъ.

Въ дѣйствительности же, если двѣ дивизіи одного корпуса и оперируютъ по двумъ дорогамъ, удаленнымъ на $1\frac{1}{2}$ —2 мили одна отъ другой, то онѣ безусловно будутъ имѣть возможность дѣйствовать въ сраженіи. При условіяхъ же маневренныхъ такое положеніе оказывается рискованнымъ, и придерживаться его прямо нельзя. Если бы руководитель не умѣлъ правильно примѣнять свое воздѣйствіе къ спасенію важнаго въ военномъ отношеніи принципа управленія войсками, то первая вовлеченная въ бой дивизія всегда оказывалась бы у него разбитой еще до подхода другой. На войнѣ все зависитъ отъ продолжительности боевъ, отъ времени, въ теченіе котораго одинъ отрядъ выдерживаетъ бой, а другой подходитъ. Если бы ферма La-Haye-Sainte ¹⁾ пала нѣсколькими часами раньше, то помощь Блюхера оказалась бы запоздавшей на цѣлыя почти сутки; вся операція пруссаковъ черезъ Ваеръ становилась ошибкой. При Садовѣ, примѣнительно къ маневренной практикѣ, Свинскій лѣсъ былъ потерянъ еще задолго до прибытія кронпринца; тогда весь планъ Мольтке, оставившій вторую армію на мѣстѣ у Кени-

¹⁾ Въ сраженіи при Ватерлоо.

гингофа, становится совершенно невѣрнымъ, если только мы себя представимъ, что выказанную на дѣлѣ упорную силу сопротивленія, которую необходимо и требовать, замѣнять рациональные приговоры посредниковъ. Этими приговорами, напимѣръ, маленькіе французскіе отряды на днѣ равнины рѣки Мансъ, упорное сопротивленіе которыхъ не удалось сломить до самаго вечера 18 августа 1870 г., навѣрное уже къ полудню были бы признаны отогнанными, и затѣмъ въ этотъ же день открывался бы путь для систематической атаки Point-du-Jour.

Согласно извѣстной изъ книги «Народная война на Луарѣ» критической оцѣнки большая растянутасть 10-го корпуса у Beaune-la-Rolande должна была повести къ поражению его. Все сдѣланное тамъ теоретически недопустимо. Въ дѣйствительности оно дало время для успѣшнаго содѣйствія 5-й дивизіи и для побѣды. Приведенныхъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно для подкрѣпленія утвержденія, что мы имѣемъ полное основаніе стараться всѣми средствами придать нашимъ большимъ маневреннымъ боямъ наибольшую, хотя бы только допустимую, продолжительность. Мы думаемъ, что не ошибемся, если въ этомъ недостаткѣ станемъ искать причины, почему на большихъ маневрахъ начальники иногда предпочитаютъ сосредоточивать свои силы насколько возможно «локоть къ локтю» еще до рѣшенія, вмѣсто того, чтобы, какъ того требуетъ дѣйствительность, продолжать двигаться разобщенно, что вполне допустимо для того, чтобы атаковать противника съ двухъ сторонъ. Въ мирныхъ упражненіяхъ такой образъ дѣйствій становится слишкомъ рискованнымъ потому, что онъ ставитъ успѣхъ въ зависимость отъ срока, исчисляемаго минутами, тогда какъ въ дѣйствительномъ бою время придется учитывать цѣлыми часами.

Это различіе между продолжительностью боевъ обозначенныхъ и дѣйствительныхъ представляется намъ столь подозрительнымъ, что будетъ, пожалуй, полезно нѣсколько ближе остановиться на тактическихъ послѣдствіяхъ этого явленія для большихъ маневровъ. Дѣлаемъ мы это для того, чтобы серьезно обосновать нашъ совѣтъ руководителю употреблять все свое искусство къ тому, чтобы придать нашимъ маневреннымъ боямъ наибольшую, хотя-бы только допустимую, продолжительность. Нужна она намъ не только для

изображенія и оцѣнки данныхъ оперативныхъ мыслей, но и для правильнаго проведенія самого тактическаго дѣйствія.

Цѣлью послѣдняго является, очевидно, желаніе изобразить возможно болѣе правильное веденіе наступленія и обороны, съ примѣненіемъ всѣхъ существующихъ для сего законовъ, а для этого, отъ замѣтнаго вліянія артилерійскаго боя и разсыпанія первыхъ стрѣлковыхъ цѣпей, до вступленія въ дѣло послѣдняго резерва, пройдетъ не мало времени, и потребуется со стороны руководителя и посредниковъ соответственное терпѣніе. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе неизбѣжныя неудачи и требовать отъ мѣстныхъ начальниковъ проявленія тѣхъ рѣшеній, которыми они обязаны постоянно эти неудачи исправлять. Для этой цѣли приговоры посредниковъ частныя и пространственно ограниченныя часто несравненно полезнѣе, чѣмъ обобщающіе.

Слишкомъ часто случается, что посредники отсылаютъ пѣхоту обратно уже при первомъ ея приближеніи. Столь радикальнаго образа дѣйствій нельзя, конечно, избѣжать въ тѣхъ случаяхъ, когда такія рѣшенія преждевременно вызываются неправильными дѣйствіями войскъ. Именно, если при первомъ развертываніи стрѣлковыхъ цѣпей, онѣ слишкомъ рано подойдутъ на близкія дистанціи къ непріятельскому фронту, если головныя части станутъ искать преждевременнаго рѣшенія (ранѣе уже осужденнымъ образомъ), не ожидая, чтобы бой достаточно въ своемъ развитіи назрѣлъ—тогда, конечно, поражение ихъ неизбѣжно. Передовыя войска тогда терпятъ его за дѣло. А тамъ, гдѣ такія типичныя ошибки случаются часто, критика будетъ имѣть полное основаніе отмѣтить, что данная войсковая часть пришла на поля большихъ упражненій тактически недостаточно подготовленной.

Тогда становится очевиднымъ, что упражненія на учебномъ плацу и на малыхъ маневрахъ, о которыхъ было говорено раньше, не были по рекомендованному нами пути правильно примѣнены и использованы, ибо только въ этомъ случаѣ возможно продолженіе такихъ ошибокъ, которыя жестоко угрожаютъ успѣху нашихъ большихъ боевъ. Первые стрѣлковыя цѣпи должны, даже и во встрѣчномъ бою, держаться достаточно далеко отъ противника, сначала только *прикрывая* развертываніе болѣе сильныхъ частей. Только при соблюденіи правилъ о протяженіи фронта и дистанцій въ зависимости отъ мѣстности и цѣли боя, всѣ элементы могутъ сложиться

къ общему наступленію и штурму съ все возрастающей мощью, т. е. въ постоянно расширяющуюся линію огня.

Поэтому, если такіе недостатки повторяются часто, то ихъ съ полнымъ правомъ можно отнести на счетъ начальнаго обученія, которымъ мы занимались въ части первой. Если первоначальное обученіе было правильнымъ, то они могутъ проявляться на поляхъ большихъ маневровъ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. По этой же причинѣ мы и установили для малыхъ маневровъ лишь ограниченную цѣль. Если на послѣднихъ мы станемъ бесплодно заниматься стратегическими комбинаціями, то на большихъ маневрахъ войскамъ будетъ недоставать нужной тактической зрѣлости, и тогда-то только они и будутъ давать посредникамъ поводы для коренныхъ тактическихъ приговоровъ, которые, будучи произнесенными въ началѣ общаго развертыванія силъ, такъ серьезно мѣшаютъ дальнѣйшему общему ходу упражненія.

Чтобы съ полной наглядностью выразить то, что мы хотимъ сказать, приведемъ примѣръ одного корпуснаго маневра.

На разсвѣтѣ одного прекраснаго утра, головные батальоны одной дивизіи выдвинули свои стрѣлковыя цѣпи изъ селенія, лежавшаго на краю участка рѣчной долины, съ цѣлью обезпечить своей дивизіи пространство, необходимое для ея развертыванія при переправѣ. Это привело къ первымъ боямъ съ головой неприятельской дивизіи, наступавшей съ фланга. Послѣдняя, остановилась сама собой, но впрочемъ и вслѣдствіе рѣшенія начальника, такъ какъ не было подъ рукой главныхъ силъ, и слѣдовательно ей нужно было время для того, чтобы развернуться. Мы вовсе не сомнѣваемся въ справедливости постановленій посредниковъ и будемъ здѣсь разсматривать лишь, въ какой степени ихъ вліяніе представлялось необходимымъ.

Батальонамъ первой дивизіи было просто на просто приказано отойти, и этотъ маневренный случай этимъ весьма простымъ и мало схожимъ съ дѣйствительностью образомъ и окончился. На дѣлѣ такіе батальоны никогда не стануть отступать такъ рѣшительно передъ сравнительно мало превосходными силами, даже и въ томъ случаѣ, если они оказались въ невыгодномъ положеніи. Военачальникъ, у котораго не было-бы другихъ войскъ, кромѣ такихъ «бѣгунцовъ», вообще не былъ-бы въ состояніи ничего предпринять. Войска доблестныя, какъ наши, выдерживаютъ натискъ, остаются на мѣстахъ до послѣдней капли крови, цѣпляются за мѣстныя укрытія,

усиливаютъ свои цѣпи тамъ, гдѣ онѣ рѣдѣютъ, или, чего добраго, отходятъ и оказываютъ своимъ огнемъ такое сопротивленіе, сломить которое не такъ ужъ просто. Вотъ приблизительно какъ дѣло слагается въ дѣйствительности, причемъ обѣ стороны выигрываютъ время для болѣе обширныхъ развертываній и дѣйствій, которыя одни и могутъ привести къ рѣшенію.

Въ данномъ случаѣ посредникамъ не представлялось никакой необходимости произносить приговоръ такъ рано, ибо ни у одной изъ сторонъ передовыя части не выказывали особой торопливости, а наоборотъ не вышли изъ предѣловъ полезныхъ дистанцій, и столкновение произошло чисто фронтальное. Поэтому, здѣсь, пожалуй было-бы вполне уместно говорить о преувеличенномъ усердіи посредниковъ. При такихъ обстоятельствахъ рекомендуется примѣнять лишь частные приговоры, которыми той, или другой цѣпи приказывается отодвинуться назадъ метровъ на 100—200, безъ разрѣшенія противнику преслѣдовать. Этимъ способомъ картину боя можно приблизить къ дѣйствительности несравненно болѣе, чѣмъ такими общими рѣшеніями, въ основаніи разрушающими все строе-ніе боя. И въ дѣйствительномъ бою стрѣлковой цѣпи иногда, при случаѣ, приходится отходить не выдержавъ града пуль; одновременно въ другомъ мѣстѣ удается болѣе успѣшно продвинуться, высланные изъ поддержекъ части подталкиваютъ цѣпь впередъ т. д. Однако-же одинъ такой маленькій неуспѣхъ никогда не приводитъ къ проигрышу всего сраженія. И такъ вотъ какимъ образомъ рѣшенія посредниковъ въ значительной мѣрѣ могутъ приблизить ходъ маневреннаго боя къ дѣйствительному.

Привилось отмѣченное зло благодаря тому, само по себѣ не вѣрному принципу, который гласитъ, что отбитая атакующая часть не въ состояніи вновь остановиться, пока ее не примутъ на себя значительныя подкрѣпленія. Ошибка-же при этомъ заключается въ томъ, что при ускоренномъ ходѣ маневровъ, такія, обоюдно попадающія въ сферу огня, первоначальныя развертыванія войскъ зачастую принимаются за рѣшительный бой. Въ дѣйствительности, насъ отъ него отдѣляютъ еще длинныя часы, и это должны помнить не только руководитель, но и посредники, особенно при соображеніяхъ относительно степени и размѣровъ своихъ приговоровъ, иначе общая картина боя можетъ перестать быть картиной и превратится въ спѣшную мазню; тогда на обязанности руководителя лежить по возможности замедлить слишкомъ быстрое теченіе дѣйствій.

Въ данномъ случаѣ руководитель прибѣгъ къ сигналу «стой». Этимъ путемъ онъ смогъ, не поступаясь рѣшеніями посредниковъ, въ потребной мѣрѣ пріостановить и закончить обоюдныя движенія впередъ и назадъ. Во время дальнѣйшаго развитія дѣла онъ примѣнилъ это средство еще разъ для самаго непродолжительнаго перерыва въ дѣйствіяхъ. У него для этого имѣлось еще нѣсколько второстепенныхъ поводовъ. Въ первый разъ онъ на мѣстѣ, имѣя факты передъ глазами, объяснилъ бывшимъ на лицо начальникамъ сторонъ все значеніе ставокъ боя, а во второй разъ, въ болѣе разившейся стадіи боя, онъ обратилъ вниманіе ихъ на вліяніе шума отъ пачечнаго огня, ставшаго подъ конецъ оглушительнымъ; кромѣ того, каждую изъ сторонъ, благодаря этому средству удалось избавить отъ неприятнаго чувства пораженія. Это соображеніе является не совсѣмъ второстепеннымъ, особенно въ отношеніи нижнихъ чиновъ, которые обыкновенно душой и тѣломъ принимаютъ участіе въ интересныхъ тактическихъ дѣйствіяхъ.

А главнымъ поводомъ для повторнаго примѣненія этого маленькаго средства сдѣлать перерывъ было желаніе придать рѣшающему бою болшую продолжительность и раздѣлить его на періоды, сходные съ тѣми, которые при такихъ широкихъ и глубокихъ пѣхотныхъ дѣйствіяхъ постоянно встрѣчаются въ достаточномъ количествѣ; конечно, это средство дѣйствуетъ при помощи извѣстнаго фокуса, но оно даетъ цѣлую цѣпь правильныхъ представленій о ходѣ дѣла въ дѣйствительности, и цѣль боя, въ концѣ концовъ, вышла для обѣихъ сторонъ поучительной. Переправившаяся черезъ рѣчку, дивизія была вынуждена вступить въ бой, чтобы выстроить новый фронтъ и достигла своей цѣли, между тѣмъ какъ противникъ удержалъ за собой поле сраженія и въ этомъ смыслѣ могъ считать себя побѣдителемъ.

Примѣненное средство является лишь однимъ изъ многихъ, которыми ловкій руководитель всегда долженъ обладать; при схематическомъ примѣненіи, оно осѣклось бы, какъ и всякое другое, но только оно въ своихъ послѣдствіяхъ весьма разнится отъ большаго перерыва для разбора, отъ вредныхъ послѣдствій коего мы предостерегали раньше.

Особенно пригодно оно тогда, когда желательно уравнять время для своевременнаго вступленія въ дѣло оперирующихъ величинъ. Развитіе здѣсь этой мысли еще дальше насъ завело бы слишкомъ далеко. Правильное примѣненіе ея совершенно зависитъ отъ

обстоятельствъ даннаго случая. Поэтому здѣсь приходится удовлетвориться этимъ намекомъ.

Остается еще разсмотрѣть нѣсколько ближе тѣ подводные камни, которымъ подвержено воздѣйствіе рѣшеній посредниковъ, даже наилучшимъ образомъ обоснованныхъ. Уже въ самыхъ малыхъ учевіяхъ отъ роты и выше, мы еще на ровномъ учебномъ плацу, чисто элементарно преподаемъ, что всякая отступающая стрѣлковая рота должна поворачиваться во фронтъ, или опять двигаться впередъ, какъ только она въ состояніи это сдѣлать, или получить подкрѣпленіе. Мы повсюду стремимся искоренить въ зародышѣ чисто подражательныя наклонности дерущихся рядомъ единицъ и замѣнить ихъ самодѣятельностью. То же относится, и въ еще большей степени, до слѣдующихъ позади поддержекъ. Это боевое требованіе безспорно очень затрудняетъ задачи посредника. Съ прежними линейными построеніями было гораздо легче справляться посредствомъ общихъ рѣшеній. Теперь послѣднія угрожаютъ намъ воскрешеніемъ устарѣвшихъ боевыхъ злоупотребленій, ибо сигналъ «стой», поданный на одномъ мѣстѣ, на одномъ фронтѣ, не долженъ по закону быть принятъ всѣми, и одного этого уже достаточно, чтобы показать, насколько желательно пользоваться этимъ способомъ воздѣйствія возможно рѣдко.

Чтобы еще дополнительно обосновать это утвержденіе, приведемъ еще одно мелко-тактическое явленіе, имѣвшее мѣсто въ то же маневренное утро. Когда ходъ боя въ первый разъ, т. е. въ періодъ начала, былъ пріостановленъ на нѣсколько минутъ, то боевой фронтъ развертывавшейся изъ тѣснины дивизіи представлялъ странную, можно сказать необоснованно-удивительную геометрическую фигуру съ выступающимъ посерединѣ угломъ. Такое построеніе вовсе не представляло никакихъ выгодъ, и если бы это была ошибка, происшедшая отъ самовольства частныхъ начальниковъ, то ее слѣдовало бы осудить. Но на дѣлѣ ничего подобнаго не было. Это явилось плодомъ воздѣйствія двухъ вершителей судьбы на противоположныхъ флангахъ, рокъ тутъ коснулся середины позже всего. Послѣдствіемъ такого рода рѣшеній почти всегда являются формы строя, которыя произвольно уклоняются отъ намѣреній начальника, и критически къ нимъ относиться дальше было бы ошибочно.

Мы привели эти и подобныя имъ явленія лишь для того, чтобы показать, что приговоры посредниковъ никогда не могутъ

вполнѣ правильно восполнить естественный ход боя. Они всегда останутся лишь механическимъ воздѣйствіемъ, чѣмъ-то вродѣ трудныхъ родовъ, требующихъ хирургическаго вмѣшательства, къ которому врачъ, какъ извѣстно, прибѣгаетъ только *въ крайности*. Иногда приговоръ посредника имѣетъ слишкомъ мало вліянія, но гораздо чаще слишкомъ много — поэтому онъ постоянно является наиболѣе полезнымъ тогда, когда онъ *заканчиваетъ* болѣе или менѣе обширный боевой періодъ.

Въ области тактики другая задача возникаетъ для посредника въ тонномъ учетѣ дѣйствія оружія. Для этого рѣшились создать специальныхъ посредниковъ для артилеріи. Такъ какъ силой огня этого рода оружія на маневрахъ такъ часто пренебрегаютъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ часто рѣшаетъ участь боя, то эта мѣра, сама по себѣ, представляется въ высшей степени своевременной и важной. Какіе, однако, подводные камни и ея окружаютъ — это мы покажемъ на примѣрѣ другого маневреннаго дня.

Тактическая обстановка вызывала бой за одну гору, и этотъ бой, естественно, открылся состязаніемъ обѣихъ артилерій. Своевременно въ руки руководителя было доставлено вполнѣ основательное рѣшеніе старшаго артилерійскаго посредника, что артилерія обороняющагося сохраняетъ перевѣсъ потому, между прочимъ, что наступающій немалую часть своей артилеріи съ самаго начала направилъ на другія цѣли. Почти одновременно поступило свѣдѣніе, что селеніе, составлявшее на днѣ долины важную опору позиціи, было признано, послѣ *очень непродолжительнаго* боя, просто перешедшимъ во власть наступающаго, имѣвшаго четыре батальона противъ двухъ съ половиной у обороняющагося, главнымъ образомъ, также, между прочимъ, вслѣдствіе того, что артилерія атакующаго значительной частью своей обрушилась бы на эту цѣль. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто одно изъ тѣхъ общихъ рѣшеній, которыя противорѣчатъ дѣйствительности, хотя и правильны по существу. Два съ половиною батальона, которые въ теченіе четвертичасоваго (независимо отъ короткаго времени развертыванія) боя противъ четырехъ совершенно отдаютъ селеніе — вовсе не неудобно расположенное — которое составляетъ ключъ удерживаемой позиціи, очевидно не стоятъ ни одного заряда, даже *если*

атака подкрѣплена артилеріей. Было бы, конечно, несправедливо, какъ нами уже было выяснено, все еще вѣрить при современномъ дѣйствіи артиллерійскихъ снарядовъ въ старинную обороноспособность селеній, какъ то доказалъ Конневицъ и Простгейда или Линья, или еще недавно Базейль, — но прыжокъ въ другую крайность, о которомъ свидѣтельствовало это рѣшеніе, былъ все же слишкомъ ужъ удивительный.

Но за всѣмъ этимъ мы еще вовсе не коснулись того спеціальнаго пункта, ради котораго этотъ случай здѣсь помѣщенъ. Въ рукахъ руководителя имѣлось доказательство, что двумя посредниками было проявлено необычно большое усердіе въ стремленіи изобразить непремѣнную истину относительно дѣйствія оружія. Но именно это-то и привело къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ. Ибо, если артиллерія обороняющагося продолжала сохранять преимущество надъ наступающей, то послѣдняя вовсе не была бы въ состояніи направить свои орудія противъ селенія, и оно само оставалось бы прикрытымъ дѣйствіемъ своей артилеріи; такимъ образомъ, это частное рѣшеніе посредника оказывалось вдвойнѣ невѣрно обоснованнымъ. Избѣжать подобныхъ противорѣчій постоянно бываетъ болѣе или менѣе невозможно, и нашъ критическій взглядъ на это ограничится просто предложеніемъ двойного вопроса:

Во-первыхъ, какимъ образомъ, вообще, должно наиболѣе цѣлесообразно проявляться воздѣйствіе посредниковъ, а во-вторыхъ, какимъ образомъ съ ихъ рѣшеніемъ будетъ считаться руководитель?

Посредники въ свою программу должны будутъ включить и соображенія относительно продолжительности боевъ въ дѣйствительности и, вслѣдствіе сего, остерегаться бесполезныхъ общихъ рѣшеній, которыя почти всегда только еще болѣе ускоряютъ ходъ маневренныхъ дѣйствій. Имѣя хорошо подготовленныя въ тактическомъ отношеніи войска, рекомендуемъ посредникамъ немного больше созерцательнаго терпѣнія, пока не настанетъ моментъ главнаго рѣшенія боевъ. При такомъ болѣе пассивномъ поведеніи ихъ, военныя обстоятельства самымъ вѣрнымъ путемъ будутъ стремиться почти къ естественному концу и выиграютъ въ продолжительности. Затѣмъ, въ концѣ концовъ, необходимо будетъ прибѣгнуть къ дѣйствію властнаго слова.

Что касается руководителя, то слѣдуетъ отмѣтить, что рѣшительные приговоры посредниковъ ему, конечно, нужны, и что разъ они постановлены, онъ съ ними долженъ считаться въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ. При всемъ томъ, будучи обязаннымъ господствовать надъ дѣйствіями, онъ не долженъ безвольно за ними слѣдовать, а напротивъ, долженъ всегда имѣть наготовѣ средства для отклоненія хода дѣлъ обратно въ ранѣе намѣченномъ и желаемомъ направленіи, а самыя эти средства онъ постоянно долженъ находить въ самой военной обстановкѣ. Съ этой цѣлью будетъ полезно приговоры относительно артилеріи предоставлять постановлять только руководителю. Ему они даютъ путеводную нить и основанія для справедливой критики, но и не могутъ оказаться уже больше въ противорѣчьи съ мѣстными, частными рѣшеніями.

Ученіе, нынѣ теоретически вновь очень излюбленное, объ артилерійскомъ поединкѣ, которымъ открываются боевыя дѣйствія, вызвало, въ связи со своимъ собственнымъ посредническимъ судомъ, еще одно особое явленіе, которое, конечно, заслуживаетъ упоминанія на этихъ страницахъ. Мы подразумѣваемъ встрѣчающуюся иногда у наступающихъ начальниковъ наклонность выжидать постановленія приговора относительно дѣйствій артилеріи, дабы, при неудачномъ для себя исходѣ артилерійскаго поединка, отказаться отъ наступленія, ставшаго будто бы безцѣльнымъ. Этотъ неожиданный результатъ мѣры мирнаго времени ставитъ почти вверхъ ногами весь смыслъ своего существованія. Если бы на практикѣ пѣхота сначала сложа руки глядѣла на артилерійское состязаніе, если дѣятельность различныхъ родовъ оружія должна была бы протекать послѣдовательно и врозь, то это значило бы искать новый шаблонъ, и даже наиболѣе изъ всѣхъ непригодный, хотя онъ и исходитъ отъ само по себѣ правильнаго и весьма важнаго закона. Законъ этотъ просто повѣствуетъ, *что наступленію должно предшествовать дѣйствіе артилеріи*: добавленіе же, что *если дѣйствіе артилеріи оказывается неудачнымъ, то и наступленіе не можетъ сулить успѣха*, является, сколь оно ни кажется основательнымъ, все же опаснымъ и невѣрнымъ выводомъ.

Для начала своего наступленія пѣхота не должна и не можетъ ожидать совершенно пассивно окончанія артилерійскаго поединка. Залогъ успѣха всегда лежитъ въ совмѣстномъ съ самаго же начала

дѣйствиі обоихъ родовъ оружія. Излагая наше ученіе о наступленіи, мы уже установили, что для необходимаго обезпеченія артилерійскихъ позицій слѣдуетъ *выдвигать впередъ* пѣхотныя части, и этому же безусловно учить и артилерійскій уставъ. Но уже въ этой сторонѣ пѣхотной дѣятельности кроются зародыши послѣдующихъ наступательныхъ движеній. Только такимъ, слѣдовательно, образомъ можно обезпечить себѣ пространство, необходимое для выбора и занятія позицій, придающихъ дѣйствиамъ своей артилеріи подавляющую силу.

Кромѣ того начальники сторонъ, судя по общей обстановкѣ, имѣютъ обыкновенно выборъ для будущаго между наступательными и отступательными дѣйствиами лишь въ довольно скромныхъ границахъ. Ходъ операціи ставитъ ему въ этомъ отношеніи условія. Представимъ себѣ только при Находѣ такого Штейнмена, который отказался бы отъ наступленія оттого, что онъ не былъ въ состояніи достигнуть перевѣса въ артилерійскомъ огнѣ. Его въ началѣ нельзя было имѣть вовсе, а въ концѣ только тогда, если бы корпусная артилерія не находилась въ хвостѣ всей походной колонны. Поэтому намъ очень слѣдуетъ остерегаться жертвовать наиважнѣйшими законами развертыванія соединенныхъ родовъ оружія, изъ-за простой мѣры контроля надъ огневыми дѣйствиами или давать нашему наступательному духу пребывать въ сладкомъ снѣ. *Въ большемъ наступленіи всѣ роды оружія должны съ самаго начала идти и дѣйствовать совместно, рука объ руку*, и единственная простая теоретическая истина, требуемая ученіемъ о боѣ, состоитъ въ томъ, что и артилерія должна очистить другому роду оружія ту дорогу, по которой ему, въ тяжелой и кровавой борьбѣ, придется пройти. Конечно, чѣмъ преимущество, достигнутое артилеріей больше, тѣмъ оно рѣшительнѣе отразится на легкости, или возможности общаго успѣха.

Просто-на-просто же отказаться отъ штурма является въ большинствѣ случаевъ уже совершенно невыполнимымъ дѣломъ. Во время борьбы за первенство другого рода оружія пѣхота должна непрестанно своимъ развертываніемъ помогать ему, должна шагъ за шагомъ добиваться сближенія и пользоваться имъ и выгодами мѣстности. Не дѣлая этого, она взяла бы на себя большую вину въ неуспѣхѣ своей артилеріи и, наконецъ, не оказалась бы на лицо, когда настало бы время срывать созрѣвшій плодъ. Итакъ, въ данномъ случаѣ, приговоръ посредника оказываетъ совершенно

иное вліяніе, чѣмъ разнообразныя явленія въ ходѣ дѣйствительнаго боя. Первый мгновенно устанавливаетъ фактъ, что непріятельская артилерія побѣждена, тогда какъ дѣйствительность вообще, а тѣмъ паче еще и мгновенно, не допускаетъ такой увѣренности во взглядѣ. Ни передъ любымъ изъ Плевненскихъ штурмовъ, ни передъ Сень-Прива, или даже при Седанѣ, не было возможности настолько отдавать себѣ отчетъ въ происходившемъ. Правильно поставленный критическій вопросъ выражается лишь въ слѣдующемъ:

Сдѣлала ли артилерія все нужное для подготовки атаки, или для помощи оборонѣ, предоставили ли ей начальникъ и пѣхота потребное для этого время, или были ли ей къ сему предоставлены и указаны правильныя мѣста?

Этимъ исключается всякое сомнѣніе о важномъ принципѣ, что артилерія должна готовить атаку; для этого ея надо распорядиться правильно въ отношеніи мѣста, времени и выбора цѣлей. Отдѣльныя, чисто артилерійскія рѣшенія посредниковъ, при этомъ, цѣлесообразнѣе всего направлять въ руки руководителя, который лучше долженъ знать, какъ ему ихъ использовать. Для хода маневра вполне достаточно давно испытанныхъ средствъ мѣстныхъ приговоровъ посредниковъ съ правомъ приговаривать опредѣленную батарею къ неподвижности, или даже считать ихъ захваченными. Собранныя и опредѣленные данныя объ артилерійскомъ боѣ вообще даютъ, наоборотъ, весьма цѣнный матеріалъ для просвѣщеннаго и поучительнаго разбора.

Въ томъ, что было сказано относительно посредниковъ, до сихъ поръ еще не было упомянуто о конницѣ. Ея боевыя дѣйствія (атаки) по самому существу своему постоянно протекаютъ въ видѣ мгновенныхъ явленій. Продолжительность ея боевъ соответствуетъ поэтому дѣйствительности, и для постоянно необходимаго при этомъ на маневрѣ посредническаго приговора нѣтъ подводныхъ камней, которые при дѣйствіяхъ другихъ родовъ оружія дѣлаютъ его часто столь сомнительнымъ. Бой же спѣшенной кавалеріи тактически относится къ разряду уже освѣщенныхъ боевъ пѣхоты.

Въ концѣ главы обобщимъ еще разъ цѣли, которыя она преслѣдуетъ. Она стремилась освѣтить различную сущность плановъ упражненій при малыхъ и большихъ маневрахъ и оцѣнить средства, которыя при этомъ обеспечиваютъ руководителю надлежащее

господство. Въ числѣ ихъ особенно выдающееся значеніе имѣеть вліяніе рѣшеній посредниковъ. Мы приходимъ при этомъ къ тому конечному выводу, что они должны бы ограничиваться необходимымъ, дабы не нарушать права естественной правды боевъ и обезпечить имъ какъ можно большую продолжительность. Что при этомъ слѣдуетъ соблюдать всѣ существующія правила и положенія, разумѣется само собою.

Перебель Т. Л.

